

Легенды и сказки Крыма

Сказки крымских татар: О Кичкинэ

Жил на свете бедный лудильщик. Был он женат уже пять лет, но не посылала судьба ему сына. Сколько ни обращался он к знахарям и прорицателям, ничего не помогало — как видно не суждено было ему стать отцом. И горевал поэтому лудильщик и считал себя неудачником. Вот однажды, когда возвращался он из своей мастерской домой, встретилась ему у порога его хижины цыганка, просящая милостыню. Возле цыганки сидело пять голых и оборванных ребятишек мал-мала меньше.

«Вот каковы дела Аллаха, — подумал лудильщик — Кто ищет, тому не дает, а кто избегает, тому найдет целый ворох».

— Как же ты кормишь такую ораву? — спросил он у нищенки.

— Ох, добрый человек, не я кормлю, Аллах кормит, а как кормит — сам видишь.

Все голы, босы и голодны, как собачата. Даже пристанища на ночь не имеем. Лудильщик хоть и был беден состоянием, но зато богат сердцем. Разжалобился он несчастьем цыганки и решил поделиться с ней, чем можно. Забрал он нищенку вместе с ее выводком и повел к себе в саклю.

— О, алмаз души моей, — обратился он к жене, — мы плакались, что у нас нет ни одного, а теперь их у нас целых пятеро. Хоть и испугалась жена этой оравы, но была она с добрым сердцем и оставила семью цыганки в своем доме. Каждый вечер добрый ремесленник, возвращаясь с работы, делился с детьми цыганки тем, что он зарабатывал за день. А жена его присматривала за ребятишками, пока мать их ходила просить милостыню. Совсем другая жизнь пошла у цыганки. И решила она отблагодарить этих добрых людей, чем можно. И вот однажды когда лудильщика не было дома, обратилась она к его жене и сказала.

— О, благочестивая дочь Евы! Мои родные мать и отец, не сделали бы для меня того, что сделала ты с мужем. Аллах свидетель, что я готова отплатить вам за добро всем, чем я только в силах. Скажи мне, сестра моя, какие невзгоды омрачают дорогу вашей жизни? Могу ли я как-нибудь облегчить вашу участь?

— О, счастливая мать столько детей — ответила жена лудильщика, — Пять лет уже, как мы с мужем женаты, но Аллах не удосужился наградить нас тем, чем так щедро оделил тебя. Мой муж готов отдать все, что возможно, за одного только ребенка!

— Не горюй, сестра, — ответила цыганка, — в этой беде я смогу вам помочь. Выпроси у соседки куриное яйцо и дай мне сделать над ним заклинания. А когда муж твой вернется домой, брось это яйцо правее его в стенку. И ты увидишь, что желание его будет исполнено.

Хозяйка так и сделала. Едва только муж переступил порог, она бросила в стенку заколдованное яйцо, и, — о чудо! — из яйца, как из решета, высыпались один за другим сорок маленьких, как зерна, человечков. С криками «папа, папа!» они окружили оторопевшего лудильщика, стали хватать его за руки и ноги, взбираться на плечи и голову.

— Что случилось?! — закричал в испуге лудильщик. — Откуда такое войско?

Хозяйка объяснила мужу, в чем дело, и тогда тот, схватившись за голову, закричал:

— Да какая же это радость? Это горе, а не радость! Я хотел одного, а тут их целых сорок!

И, обратившись к цыганке, лудильщик стал ее умолять:

— Избавь меня, дочь пустыни, от этих назойливых мух, ради Аллаха, избавь!

Нечего было делать, начала цыганка собирать мальцов в свою торбу. Собрала она тридцать девять, а сороковой тем временем залез в сапог своего отца и спрятался там. Собрался на другое утро лудильщик в город, стал натягивать сапоги, смотрит, вылезает из сапога маленький человечек.

— Как ты попал сюда? — удивился лудильщик.

— Отец мой, — ответил Кичкенэ, — я самый находчивый и ловкий из всех моих братьев! И, как видишь, один из всех сумел спастись.

Посмотрел-посмотрел на него лудильщик и решил, что, значит, так и нужно, чтобы этот паренек стал его сыном. — Ну, раз так, — сказал он сыну, — то будешь помогать мне в моей работе. Пока я буду в городе, мать напечет мне чебуреков, а ты принесешь их ко мне в мастерскую.

Дав такое поручение, лудильщик натянул сапоги и отправился на работу. А Кичкенэ тем временем поручил своей новой матери приготовить чебуреков и испечь одну круглую хатламу. Когда все было готово, он сказал:

— Теперь положи чебуреки в саган, поверх положи меня, а сверху накрой меня хатламой. Саган же как следует завяжи платком и пусти в город. Дорогу я найду сам.

— В уме ли ты, сыночек? — удивилась мать. — Да разве может саган идти сам?!

Но Кичкенэ настоял на своем, и матери пришлось подчиниться. Не было конца ее удивлению, когда она увидела, как саган с чебуреками и с Кичкенэ-огланом двинулся себе потихоньку по дороге.

Долго ли, коротко ли шел саган, только попала ему на дороге яма; скатился он в яму, а обратно, сколько ни толкал его Кичкенэ, вылезти не может. А тем временем мимо той ямы проходили два охотника. Увидев завернутую в платок миску, они спустились к ней и начали разглядывать.

— Слава Аллаху, — сказал один из них, — сама судьба послала нам ужин после охоты. Ты чуешь, какой соблазнительный запах исходит из этого узелка?

Но не успел он дотронуться до миски, как оттуда раздался тоненький, но сердитый голос:

— Эй, не тронь сагана! Охотник, испугавшись, отскочил от узла.

— Какой же ты трус, — сказал другой. — Мне самому почудился чей-то голос, да стоит ли на это обращать внимание? Пока хозяин придет, мы уже успеем полакомиться этими чебуреками. Открывай!

Но едва только успел его товарищ прикоснуться к узлу как о мула снопа послышался гневный крик

— Я вот тебе открою!

И снова охотник выпустил из рук находку.

— Ну тогда я сам открою простофиля ты этакий! — сказал товарищ. И схватив узел он стал его развязывать

— Ах ты делибаш шайтаново отродье! Ты вот попляшешь у меня! — закричал изо всей силы Кичкенэ-оглан

Тут уж охотники не смогли выдержать. Бросив саган они выскочили из ямы и во все лопатки кинулись бежать. А Кичкенэ посмеявшись над трусостью этих верзил тронулся в дальнейший путь. Скоро он добрался до мастерской отца вошел туда и влез вместе с саганом в котором сидел на стол. Окончив работу лудильщик подошел к столу и открыв саган приготовился к трапезе. Когда же он поднял хатламу, и из-под нее как ни в чем не бывало вылез улыбающийся Кичкенэ

— Сыночек мой — удивился лудильщик, — да как же ты смог принести этот саган, если ты сам сидел внутри его?

— Я же говорил тебе, что в некоторых делах я кое-что смыслю, — ответил Кичкенэ-оглан

— А ведь правда, ты ловкач, сыночек. Ты бы попробовал мне помочь и в моем ремесле. Постарайся вылудить, пока я буду есть, вот этот кувшин

А то их так мною, что мне одному с ними и не справиться!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Нет ничего легче, — ответил Кичкенэ и принялся за работу. Когда отец кончил есть он взглянул на сына и ахнул от удивления Кичкенэ сделал столько работы, сколько бы он сам не сделал. И за три дня.

— Вот это да! — всплеснул руками лудильщик и посмотрел снова на пятивершковый рост Кичкенэ-оглана — Славно сделано А, может быть, ты, сынок, и землю умеешь пахать?

— И землю пахать умею, — ответил Кичкенэ

— Тогда помоги моему брату. Он ведь тебе приходится дядей. Окаянный Сары-бей измучил его, заставляя работать на своей земле, отнял у него быков, и теперь он лежит больной и ничего не может сделать на своем чаире. Кичкенэ с удовольствием согласился помочь бедняку. Он тот час отправился к дяде, взял у него единственного ишака, которого еще не успел забрать жадный Сары-бей, нагрузил на это-го ишака плуги борону и двинулся в поле. Там он запряг ишака в плуг, а сам влез к нему в ухо и принялся щекотать его. Ишак начал работать с таким усердием, что за три дня вспахал земли столько, сколько ее не вспахали бы два быка за три дня.

— Тебя нам послала, как видно, сама судьба, — сказал после этого лудильщик. — Хоть ты и мал, но умения твоего хватит на десятерых.

Однако придется тебе, сынок, еще раз выручить нас всех. Знай, что в реке у самого водопоя живет страшный Аждага, сорокаголовое чудовище, которое только в том случае позволяет всей деревне брать воду, если мы даем ему в пищу одного быка. В этом году очередь дошла до твоего дяди, и сегодня вечером срок уплаты. Если мы к вечеру не дадим Аждаге быка, то вся деревня останется без воды. А окаянный Сары-бей, да натешится шайтан над его жирным телом, отнял, как ты знаешь, у дяди его быков. Так вот мы и не знаем, что нам теперь делать!

— Не бойся, отец, — ответил Кичкенэ. — Я выручу деревню из этой беды. Только пусть дядя даст мне и на этот раз своего ишака.

Когда Кичкенэ получил осла, он подождал наступления вечера и, оседлав животное, погнал его к водопою.

— Селям алейкум, Аждага-ага, — закричал он изо всей силы, как только подошел к берегу. — Иди, пожалуйста, получать арендную плату.

Аждага приподнял одну из своих сорока голов над водой, увидел мальчика с ишаком и захохотал во всю глотку:

— Ха, ха, ха, ха! Ай да великан! Ха, ха, ха, ха! Однако же ты не трус, если вместо жирного быка привел ко мне эту паршивую костомаху!

Аждага снова посмотрел на малютку и снова покотился от смеха. Видя, что Аждага не такой уж страшный, Кичкенэ влез ему в ухо и принялся щекотать там. А чудовище заливалось смехом изо всех своих сорока глоток. Ему так понравился этот паренек, что он уже считал его своим другом.

— Ну ладно, сорокаголовая дубина, — сказал наконец Кичкенэ, — вола своего ты получишь. Но лучше тебе полакомиться Сарыбеевой скотиной. А у него среди собственных быков есть два особенно жирных — один желтый, другой черный. Какого тебе привести?

— Приведи желтого, — ответил Аждага, — я давно точу на него зубы. Но смотри, смех смехом, а чтобы к вечеру бычок был здесь. А не то я проглочу и твоего никудышного ишака и тебя самого!

Кичкенэ напоил осла и вернулся домой. Вся деревня высыпала встречать ловкого паренька, когда увидела его целым и невредимым. Когда стемнело, Кичкенэ направился к Сары-бею. Этот Сары-бей был самый богатый из богачей, и от жадности его не было житья всей деревне. Подойдя к его дому, Кичкенэ пролез под воротами во двор и через замочную скважину проник в хлев. Там он забрался в ухо желтого быка и закричал громким голосом:

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Кто там кричит? — спросил Сары-бей.

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Ну-ка, ступайте, посмотрите на крикуна, — приказал богач своим сыновьям. Те тотчас же отправились в хлев, но никого там не обнаружили. А Кичкенэ-оглан опять закричал из воловьего уха:

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Вы слепы и глухи, как колоды, — рассвирепел на сыновей богач. — Сейчас же приведите того, кто там орет. Снова пошли сыновья Сары-бея в хлев и снова вернулись ни с чем. А из хлева продолжали нестись крики маленького пехлевана.

— Придется, видно, самому итди, — закричал богач и кинулся в хлев.

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого быка взять?

— Бери желтого и убирайся к шайтану! — закричал в ярости и страхе бей, подумав, что над ним подшучивает джинн. — Ля иллях иль Алла, спаси, пророк, от наваждения!

Получив разрешение хозяина, Кичкенэ отвязал быка и, не переставая щекотать в его ухе, погнал к Аждаге.

— Получай своего желтого любимца, — сказал он чудовищу. — Только ставлю тебе одно условие: эчек со всем содержимым оставь мне.

— Теперь бери эту кишку, два ведра и дудку и двигайся, куда я тебе укажу, — приказал Кичкенэ чудовищу, влезши к нему в ухо. — Да передвигайся быстрее, нас ждет веселое дело. За работу получишь черного быка!

Почувяв, что можно еще пожитья, Аждага послушно исполнил приказание хитреца и через мгновение ока был уже вместе с ним во дворе Сары-бея. Там они пробрались на чердак беева дома, и Кичкенэ отдал такое распоряжение:

— Ты подожди меня здесь, а я спущусь в комнату. Потом ты передашь мне то, что мы притащили с собой, и будешь наблюдать за представлением.

Так и сделали. Маленький пехлеван, как горошина, скатился через трубу вниз и очутился у самой постели Сары-бея.

Богач спал крепким сном под своим пуховым одеялом. Спиной к его спине спала под тем же одеялом его толстая жена.

Кичкенэ-оглан кивнул Аждаге, и тот спустил ему эчек. Ловкий паренек приподнял одеяло и вывалил все вонючее содержимое кишки на постель, под спины спящих, как раз туда, где ему полагалось быть. После этого он вставил дудку в эчек самого крепко спавшего Сары-бея и снова накрыл его одеялом. А ведра, спущенные с чердака Аждагой, он наполнил водой и привязал к спинам спящих Сарыбеевых сыновей. Закончив дело, он спрятался за сундук и принялся пищать тонким-претонким голоском.

Первой проснулась жена Сары-бея. Протянув руку вниз, чтобы почесаться, она погрузила ее в нечистоты и воскликнула:

— Ах ты, старый паскудник, что же это ты наделал! Ты же загадил всю постель!

И, разбудив мужа, она укоризненно показала ему на огромную кучу.

— Да ты с ума сошла, что ля? — обиделся муж. — Сама напакостила, как корова, а на меня сваливаешь! Мне пятьдесят лет, и я, слава Аллаху, ни разу в жизни еще не загадил постель!

И, рассердившись окончательно, Сары-бей крепко изругал свою жену.

— Но, господин моих мыслей, — не унималась та, — посмотри, ведь это же под тобой куча!

— Как подо мной!? — рассвирепел окончательно бей. — Ты разве ослепла, дочь шайтана, что не отличишь моего зада от своего!

И началась драка. Оплеухи посыпались так, что брызги нечистот разлетались по всей комнате. Наконец, проснулся старший сын. Услышав крики и не понимая, в чем дело, он бросился зажигать огонь. В это время ведро опрокинулось и облило его с головы до ног. Смертельно перепуганный, он закричал благим матом и разбудил второго брата. Тот вскочил ошарашенный и так кинулся к постели отца, что второе ведро перелетело через его голову, грохнулось на Сары-бея и окатило супружескую чету целым ливнем воды.

— Тьфу ты, проклятый шайтан! — завопил бей. — Он опять орудует в моем доме! Мало ему быка! Совсем хочет опутать меня! И, вскочив с кровати, Сары-бей кинулся к очагу, чтобы раздуть огонь. Но только начал он дуть на угли, как дудка от напряжения заиграла и начала исполнять разные мелодии.

— Ля иллях иль Алла! — заорал бей, чуть не потеряв от ужаса рассудок. — Джемаат, джемаат, спасите!

И стуча зубами, мокрый, как курица, он начал отплясывать такой дикий танец, что от него пришло в ужас все семейство.

А в это время из-за сундука раздался тоненький, но пронзительный смех.

— Хи, хи, хи, — надрывался Кичкенэ.

— Ха, ха, ха, ха, — ревело басом с чердака, где сидел Аждага.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А дудка играла всякие напевы, которые походили на духовные стихи, и еще больше увеличивали суматоху. На этот шум сбежались сначала соседи, а потом и вся деревня. Это было такое интересное представление, что все наблюдали, боясь проронить слово. Стараясь спастись от позора, бей спрятался в уборной, но музыка дудки доносилась и оттуда. Ребятишки, сбежавшиеся на зрелище, услышав эту музыку, решили, что в доме Сары-бея свадьба, и во все горло стали кричать: — Свадьба! Свадьба! У Сары-бея свадьба! Сюда, сюда, на свадьбу!

Тем временем Кичкенэ-оглан отворил хлев, вывел всю скотину богача во двор и погнал ее на общественное пастбище. Аждага так надрывался от смеха, что лопнул и издох, а Сары-бей, вместе со всем своим семейством, в ту же ночь покинул деревню, чтобы скрыться от позора. Так маленький пехлеван, сын бедного лудильщика, спас деревню сразу от двух врагов: от кровожадного чудовища Аждаги и от ненасытного богача Сары-бея.